

Е. В. Максютенко

Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара

**«СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЙОРИКА,
НАПИСАННОЕ ЕВГЕНИЕМ». ОБ АВТОРЕ И ТЕКСТЕ**

У статті висвітлено особливості рецепції «Сентиментальної подорожі» Лоренса Стерна, пізнього роману, що став моделлю «літератури чутливості», забезпечивши автору популярність у широкій аудиторії. У «Сентиментальній подорожі» дослідники бачать варіації впізнаваних рис стильової манери письменника, пов'язаної з поворотом до ліризовано-психологічної форми, інтересом до індивідуальної свідомості, світу особистих почуттів, емоцій, переживань. А також згадують про рокайльні мотиви, які доповнюють концепцію чутливості у «Подорожі»: мистецтво натяку, недомовленості, іронічність оповідного тону, тема любовного флірту. Визнанням читацького успіху романів Стерна стала поява у культурі другої половини XVIII ст. прецеденту продовжень історій про Тристрама і Йорика. У ряду творів, що наслідують образи, теми прози Стерна, виділяють «Сентиментальну подорож» Йорика. Продовження, що належить перу Євгенія» (1769), питання щодо авторства якого, пов'язане з особистістю близького друга Стерна, Джона Холла-Стівенсона, залишається відкритим. Літератор, який використав маску Євгенія, не стільки наслідував сентиментально-юмористичну манеру Стерна, скільки намагався представити доповнені ним записи Йорика як складову культурного контексту епохи і біографії визначного художника.

Ключові слова: прецедент літературного продовження, серіальність, наслідування, стилізація, текст-«двійник», прототипи персонажів, літературна маска автора.

В статье освещаются особенности рецепции «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна, ставшего моделью «литературы чувствительности», обеспечив автору популярность у широкой аудитории. В «Сентиментальном путешествии» исследователи видят вариации узнаваемых черт стиливой манеры писателя, связанной с поворотом к лиризованно-психологической форме, вниманием к индивидуальному сознанию, миру личных чувств, эмоций, переживаний. А также упоминают о рокайльных мотивах, которые дополняют концепцию чувствительности в «Путешествии»: искусство намека, недосказанности, ироничность, игровая двусмысленность повествования, тема любовного флирта. Признанием читательского успеха романов Стерна стало появление в культуре второй половины XVIII ст. прецедента продолжений историй о Тристраме и Йорике. В ряду сочинений, наследующих образы, темы прозы Стерна, выделяют «Сентиментальное путешествие Йорика. Продолжение, принадлежащее перу Евгения» (1769), вопрос об авторстве которого, остаётся открытым. Использувавший маску Евгения сочинитель не столько подражал сентиментально-юмористической манере Стерна, изяществу слога писателя, сколько стремился представить дополненную им историю Йорика как составляющую культурного контекста эпохи и биографии великого художника.

Ключевые слова: прецедент литературного продолжения, сериальность, подражание, стиллизация, текст-«двойник», прототипы персонажей, литературная маска автора.

The article highlights the peculiarities of reception of Laurence Sterne's *A Sentimental Journey* that became the model of "the literature of sensibility" ensuring the author with the popularity within the wide range of reading public. The researchers view *A Sentimental Journey* as a variation of familiar features of Sterne's style that correlates with the turn to the lyrical psychological form, the attention to the individual consciousness, the world of inner feelings and emotions. They also mention the rococo motifs that are added to the concept of sensibility in *A Journey*, the text becomes a refined and light one, the author is joking, his tone is frivolous and full of hints. The readers' success of Sterne's novels gave rise

to the phenomenon of continuations of the stories of Tristram and Yorick in the second half of the 18th century. Among the texts that inherit Sterne's themes and characters the critics distinguish *Yorick's Sentimental Journey Continued ... by Eugenius* (1769), the question of its authorship sends back to Sterne's close friend John Hall-Stevenson but has not been defined yet. Masking under the name of Eugenius the unknown author not so much imitates Sterne's sentimental and humoristic manner as tries to present the broadened version of Yorick's memoirs as the component of the cultural context and the biography of the famous writer.

Keywords: a continuation novel, "sequel of spirit" and "sequel of narration", serialization, imitation, parody, the prototypes of heroes, author's mask.

В 1769 г. лондонцы одними из первых получили возможность познакомиться с любопытной книгой, изданной анонимно. Ее название интриговало читателя, не давало забыть о великом Стерне, успехе его последнего романа, упрочившего славу писателя. Тем более что аудитория заинтересовалась прозвучавшим в заголовке намерением утаившего свое имя сочинителя завершить текст, работа над которым прервалась из-за роковой болезни пятидесятичетырехлетнего автора. «Сентиментальное путешествие Йорика. Продолжение, принадлежащее перу Евгения», адресованное ценителям таланта художника-остроумца, было обречено стать текстом-двойником произведения, породившего бесконечный поток подражаний [19].

По свидетельству современников, опубликованное на год ранее «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» нашло широкий отклик среди европейцев [9; 14]. Авторитет создателя «Тристрама» еще более утвердился. Манеры Стерна наследовали, а внимание к его творчеству в литературной среде лишь нарастало. Многие сохранили в памяти обстоятельства ошеломляющего дебюта Стерна, столь занимательно рассказавшего о жизни провинциальных философов братьев Шенди. Поклонники Стерна, не отрекаясь от его «Тристрама», дерзнули признать «Путешествие» венцом творчества английского пастора¹.

Напомним, выход в свет многотомного романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» приходится на весомый временной отрезок, начиная с 1759 по 1767 годы. «Тристрам Шенди» оказался непохожим на литературные тексты эпохи, поколения критиков трудно шли к разгадке тайны Стерна-художника. Поначалу воспринятый в контексте европейской сатирической традиции Рабле, Свифта, скриблерианцев, «Тристрам» обрел истовых поклонников на века, многие из них по сей день видят в Стерне «английского Рабле»².

¹ Вероятно, эстетический климат, национальные предпочтения, временной фактор, трудности перевода «Тристрама Шенди» на европейские языки способствовали успеху «Сентиментального путешествия» во Франции, Германии, России, где мода на путевые заметки чувствительного Йорика поначалу заслонила философский блеск «Тристрама». Но уже с 1770–80-х гг. благодаря Виланду, Жан-Полю в Германии, Дидро, Вольтеру во Франции, Пушкину в России «Тристрам» становится культовой книгой интеллектуалов. Несовпадение вкусов разделило поклонников Стерна. Если К. Рив выказывала предпочтение «Путешествию», Бернс ценил оба романа Стерна, Дж. Остен в юности пародировала текст «Тристрама Шенди», Вордсворт, Шелли, Китс, Лэм постоянно восхищались смелостью художественных открытий «Тристрама», то Гейне, В. Ирвинг более любили «Сентиментальное путешествие». Шопенгауэр в 1825 г. намеревался осуществить перевод «Тристрама Шенди», книги, которую он «не уставал перечитывать снова и снова». Карл Маркс был страстным стернианцем и оставил черновые наброски юмористического романа «Скорпион и Феликс», написанного в подражание «Тристраму». Любопытно, что Джойс и Вулф, будучи приверженцами таланта Стерна, расходились во мнении, если Джойсу более импонировал «Тристрам», то Вулф тяготела к «Сентиментальному путешествию» [14].

² Не только литературные критики будут разобщены в своих симпатиях по отношению к романам Стерна, но и складывающаяся в течение столетий традиция творческой рецепции произведений писателя, названная стернианством, на определенном этапе делает объектом подражания либо «Тристрама Шенди», либо «Сентиментальное путешествие». Поразительно, но даже в конце XX ст. известный критик, обращающийся к исто-

Позже проницательные исследователи соотнесут «Жизнь и мнения...», затем и «Сентиментальное путешествие», с философскими текстами Локка, Шефтсбери, Юма, от влияния которых автор явно был не свободен. А новизну, творческую оригинальность Стерна объяснят открытиями сенсуализма, правомерно подчеркнув, что в романах Стерна сатирическая риторика смягчается эмоциональностью, душевностью тона, в то время как язвительная авторская ирония преобразуется в юмористическую благожелательность, эмпатию, которая, по словам Ницше, окутывает произведения Стерна неуловимостью и двойственностью смыслов [12, р. 31]. Критики не только обнаружат тематические скрепы «Тристрама», укажут на *обстоятельства рождения героя, историю жизни насмешника Йорика, подчеркнут неразделимость судеб братьев Шенди, старшего Вальтера, сторонника наукообразных теорий, и младшего Тоби, последователя игровой философии шендеизма* [12, р. 32]. Они также не преминут отметить незаурядность и глубину интеллектуально-эстетических концепций Стерна.

Поначалу читатели воспринимают странно-причудливый мир «Тристрама Шенди», его героев в духе скриблерианской сатиры. Они сразу же обнаружат родство Корнелия и Мартина Скриблерусов с отцом и сыном Шенди³. Некоторое время их не будет покидать ощущение, что Шенди-холл и его окрестности существуют как еще одно литературное воплощение «анатомии глупости» (“one great anatomy of the fools...”) [12, р. 34]. Однако вскоре возникает понимание, что ампула персонажей классической сатиры тесны всем, допущенным в круг братьев Шенди. Постепенно концепции образов шендианцев усложняются и тяготеют к по-человечески теплым добродушно-комическим натурам. И каждый, кто соприкасается с удаленным от Лондона провинциальным пространством, в котором рождаются, живут и умирают смешные, эксцентричные чудачки из «Тристрама», страдает им и не оценивает их лишь умозрительно.

Обращение Стерна к субъективно-эмоциональному опыту переживания мира героями, возвращенному на почве антропологических концепций XVIII ст., по мнению исследователей, влияет на поэтологический сдвиг структуры его текстов, где причудливый нарративный рисунок согласуется с процессуальным импровизационным образом сознания рассказчиков, которым автор передоверяет общение с читателем. Именно прием интроспекции, его неповторимый ритм, ассоциативность мышления, ахронность, символизация впечатлений реальности убеждают романтиков, а позже критиков XX в., что произведения Стерна не укладываются в жанровые рамки сатиры. Полагают, что в «Тристраме», а годы спустя в «Сентиментальном путешествии», Стерн передает новое понимание человеческого состояния, где не Бог и Природа, но «Я» в центре универсума [1, р. 61]. Опираясь на Локка, замечает М. Баттестин, Стерн пытается убедить читателя, что реальность больше не внешняя по отношению к индивидууму, но внутренняя, личная, уникальная. Впервые в английской литературе, продолжает исследователь, именно в «Тристраме Шенди» возникают подтексты новой филосо-

кованию романов Стерна, полагал возможным ограничить свое научное представление о писателе лишь текстом «Тристрама Шенди», что, по его мнению, «отражает как сложившийся к настоящему времени баланс литературоведческих оценок прозы Стерна, так и тот очевидный факт, что большинство читателей, вероятнее всего, формируют свое представление о Стерне, опираясь на его первый роман» [17, р. 162].

³ Для многих очевидны сближение и мотивная перекличка в поступках знаменитых литературных героев Корнелия Скриблеруса и Вальтера Шенди, оба они одержимы судьбой еще не родившегося младенца, загадкой витальных сил гомункула, безразличен им выбор ритуала крещения наследника, поиск достойного имени. Также их преследует мысль о возложенной на отцов миссии создания трактатов о воспитании сыновей [12, р. 34–35].

фии [1, р. 65–66]. Неслучайно, в «Тристраме» зазвучит тема свойственной человеку сосредоточенности на себе, тяги к отъединенности и в то же время желания преодолеть это чувство в общении, солидаризируясь с другими.

Гению Стерна окажется по силам реализовать грандиозные задачи по реформированию прозы, оттолкнувшись от сложившихся литературных форм жизнеописания и путешествия, прибегнув к игровой театрализованной манере рассказа, открывающего читателю образ мыслей, чувств, впечатлений от внешней реальности и озабоченность героев познанием мира, самих себя. Избрав в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии» в протагонисты персонажей, близких по возрасту, отчасти жизненному опыту, наделив их все же различной профессией, родословной, закрепив за ними условно-литературные имена⁴, которые подчас расценивают как биографические маски автора⁵, Стерн, подчеркнув в Тристраме и Йорике уникальность характера⁶, неповторимость выстраиваемых отношений с реальностью, избрал для героев несходные роли.

Меланхоличный Тристрам, задумавший написать мемуары с тем, чтобы разобраться в себе, течении собственной жизни, воскресить память о всех, кто был ему дорог, с кем он ощущает родство духа, натуры, оказывается наедине с собою, тревожными мыслями об ушедшем и неблагополучном настоящем. Сочинитель он неумелый, в чем признается читателю, нить повествования выскальзывает, и он, сбиваясь, прерывает рассказ, беседует с аудиторией, состав которой постоянно меняется. То возвращается в дни юности родителей, то вновь общается со слушателями либо слушательницами его небылиц, мешая пласты времени, порою забегая вперед. Много повидав, узнав чужие нравы, обычаи (наведывается в европейские страны, длительно путешествует по Франции), он с высоты опыта поведаст о печалях и радостях обитателей Шенди-холла⁷, покажет, как по наитию либо замыслу, а, быть может, лукавству каждый, кто является Шенди или приближен к ним, заполняет абсурдную пустоту повседневности химерами смысла, возможно, к счастью, так как бремя подлинного смысла им не вынести. Участники содружества Шенди по-своему являются заложниками причуды, одержимы коньком (“hobby-horse”), маниакальной идеей воплощения цели, часто замещающей ценностные основы отношений, нередко ускользающие от них⁸.

⁴ Рассказчикам чуть за сорок, оба образованны, успехов на житейском поприще едва ли достигли, возможно, провинциалы, имеют общих друзей, один, скорее, сочинитель, другой – священник. Герои, несомненно, джентльмены, их имена значащие, литературные, предполагают комическую инверсию семантики.

⁵ Стерн широко использовал в повседневной жизни маски своих литературных двойников, Тристрама и Йорика, чьими именами он часто подписывал послания, адресованные друзьям и близким. В журнальной периодике эпохи Стерна нередко называли «шутником Йориком» либо «кавалером Шенди».

⁶ Тристрам тяготеет к элегически-скептическому взгляду на мир, а Йорику более свойственна спонтанность решений, влюбчивость, очарованность жизнью, интерес к людям, тщеславие, отчасти самолюбование, однако, не разрушающие личность.

⁷ «Глухой угол» королевства, где поселилось семейство Шенди, не перенаселен персонажами. Здесь можно встретить прежде купца, а теперь философа Вальтера Шенди, славного воина Тоби Шенди и его верного друга, слугу капрала Трима, простодушную и вздорную жену Вальтера Елизавету, известного шутника пастора Йорика, заезжих гостей: доктора Слопа, повивальную бабку, вдову Водмен и шумную бестолковую челядь – слуг Обадью и Сузанну.

⁸ Вальтер Шенди поглощен построением научных теорий, Тоби и капрал Трим увлечены игрушечной фортификацией, пастор Йорик выступает в роли английского Дон Кихота, гибнущего от избытка остроумия и любви к шуткам по вине окружающих, не понимающих его иронии. Пишущий книгу своей жизни Тристрам обретает радость и полноту жизни в творчестве.

Мартин Баттестин подскажет читателю, что в «Тристраме Шенди» Стерн оценивает трудности существования человека не в категориях христианской греховности как моралист-проповедник, но как носитель взглядов новой философии [1, р. 63]. Так, автор «Тристрама» видит в сложностях отношений мира и индивида следствие заблуждений разума, который не столько контролирует мышление, сколько сводит познание мира к опыту его понимания, как бы заключая стихию жизни в тюрьму отдельного «Я». Стерн, скорее, рассматривает разум не только как плененный телом, но и управляемый им [1, р. 65]. По мнению Баттестина, метафорой переживания несвободы «Я» в романе оказывается “hobby-horse”, конек, источник комического начала, ограничений, а также способ выживания в «непереносимом» мире [1, р. 65]. Гипотезы Вальтера, военные игры Тоби, навязчивое увлечение Тристрама изложением своей жизни на бумаге являются воплощением стремления разума привить множественности окружающих вещей порядок. Неслучайно, ведущей философской темой «Тристрама Шенди» оказывается проблема изоляции. В то же время обретение человеком свободы во многом зависит от чувств, которые определяют сближение «Я» с внешней реальностью через любовь, симпатию, привязанность к другому [1, р. 70].

Читатели и литературные критики, несомненно, ощущают содержательную и формальную близость «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия», однако все же убеждены, что эмоциональная тональность записок странствующего пастора о поездке по Франции иная. Клайв Пробин прав, когда утверждает, что в «Сентиментальном путешествии» душа Стерна восстает против всего механистического, отрицающего жизнь, сосредоточенного на собственном «Я» [13, р. 142]. Следуя Пробину, смысловая доминанта «Путешествия» Йорика – способность к общению, установлению связей между людьми посредством сердечного чувства, благожелательности, щедрости, несмотря на препятствия, связанные с культурными, языковыми, гендерными различиями, не говоря уже о жесткости границ, разделяющих государства. Предваряя «Сентиментальное путешествие», главный герой «Тристрама Шенди» в заключительных разделах книги освобождается от самопоглощенности, демонстрирует открытость, социальность, тем не менее, процесс «психологического исцеления» от замкнутости, отъединенности все же шире представлен в романе о Йорике [13, р. 137–138]. Спасительная чувствительность, которой сполна наделены Йорик и близкие ему по духу персонажи, является верным средством преодоления «комедии изоляции», разыгрываемой героями «Тристрама» [13, р. 143].

Знаками заинтересованности в творчестве, внимания к судьбе Стерна, подпитывающими память о его незабываемых героях, явились продолжения романов о Тристраме и Йорике, изданные анонимно либо с упоминанием имени авторов⁹. Текстов, возвращающих читателя к персонажам Стерна, было довольно много, их публикации растянулись на десятилетия¹⁰. Писателю пришлось противостоять сочинителям-самозванцам, попытавшимся потеснить подлинного авто-

⁹ Книгоиздатели и литераторы не могли устоять перед искушением по-своему рассказать читателям истории Робинзона Крузо, Моль Флендерс, Гулливера, Памелы и Чарльза Грандисона. Но наиболее популярными персонажами, которые стали объектами подражания, пародий, памфлетов, по убеждению критиков, были, несомненно, Тристрам и Йорик [18, р. 32].

¹⁰ У. Джерард констатирует, что «Сентиментальное путешествие» издавали достаточно часто, в десятые годы XIX в. было известно более тридцати продолжений романа. Читательская приверженность «Сентиментальному путешествию» соперничала с «Тристрамоманий». Среди текстов, дополняющих «Путешествие», выделяют сентиментально-исповедальные (“sequels of spirit”), а порою событийно-авантюрные формы (“sequels of narration”) [4].

ра многотомного цикла о Тристраме и, пользуясь временными интервалами, публиковать книги-тома, опережая Стерна¹¹. Романист вынужден был заключить с издателями соглашение, чтобы без его подписи рукопись в печать не принималась [2]. Сосчитать литературные дополнения к «Жизни и мнениям...» и «Сентиментальному путешествию» затруднительно. Однако очевидно, что перед искушением дописать мемуары Йорика о его пребывании на континенте не устояло большее количество беллетристов, нежели тех, кто бы дерзнул соперничать со Стерном, практикуясь в изложении философских апорий шендеизма.

В исследованиях, посвященных Стерну, а это преимущественно биографическая традиция, более подробно рассказывают о литераторах, рискнувших придумать дальнейшие похождения Тристрама и Йорика. Критики упоминают авторов и тексты, которые оказались приметными, породили споры, дискуссии, были восприняты неоднозначно, вновь актуализировали тайну атрибуции [2; 3; 9; 14; 18]. В памяти читателей эпохи остался ряд стилизованных подражаний «Тристраму» и «Сентиментальному путешествию». Неизменно открывает массив сочинений, наследующих образы, мотивы, стилевую манеру Стерна, не забытая по сей день книга «Сентиментальное путешествие Йорика. Продолжение, принадлежащее перу Евгения» (“Yorick’s Sentimental Journey Continued...by Eugenius”), изданная анонимно, а позднее соотнесенная с именем Джона Холла-Стивенсона (1718–1785), со времени студенчества знавшего Стерна, дружившего с ним, всегда поддерживающего писателя и его семью [19]. Напомним, что Стерн называл друзьями лишь несколько близких ему людей¹², иные были ему интересны, занимательны, стали прототипами героев его романов¹³, предметом мистификаций, розыгрышей Стерна и часто через обиду переступить не смогли.

Известно, что Стерн и Джон Холл-Стивенсон повстречались в Колледже Иисуса, учебном заведении, где проведет свои юношеские годы и Тристрам Шенди. Холл-Стивенсон – моложе Стерна на пять лет, происходил из родовитой состоятельной йоркширской семьи, пользовался особыми привилегиями, находился в статусе вольного слушателя, члена ученического братства, обладающего правом по завершении университета не получать академической степени. Был начитан, эрудирован, обладал литературными способностями, независимым нравом, склонен к экстравагантному поведению [3; 5; 6; 15]. Прослыл почитателем вольнодумцев, с пиететом относился к Рабле, Монтеню, де Вервилю, Лафонтену,

¹¹ Не только Жан Поль, Гете, но и Ницше оказались среди тех, кто был обманут искусными подделками писательской манеры Стерна [8].

¹² Биографы свидетельствуют, что уже в студенческие годы началась прочная дружба Стерна с верными ему Холлом-Стивенсоном и Стивенном Крофтом, столь несходными по темпераменту, либертенном-остроумцем и сдержанным философом-мудрецом [3; 15].

¹³ Предполагают, что за литературными масками Евгения, Дженни, Вальтера, Тоби и мадам Шенди, доктора Слопа из «Тристрама Шенди», Евгения, Элизы и Смельфунгуса из «Сентиментального путешествия» скрываются узнаваемые прототипы – Джон Холл-Стивенсон (Евгений), французская актриса, одна из возлюбленных Стерна Кэтрин Фурмантель (Дженни), его последняя любовь Элиза Дрейпер (Элиза), отец и мать Стерна (Тоби и миссис Шенди), влиятельный священнослужитель Жак Стерн (Вальтер Шенди), жена писателя Элизабет Ламли-Стерн (миссис Шенди), врач из Йоркшира, противник Стерна Ричард Бертон (Слоп) и Тобайас Смоллет [3; 15]. Героями «Сентиментального путешествия» оказываются реальные лица (министр иностранных дел Франции герцог де Шуазель, хозяин гостиницы в Кале мсье Дессен, слуга Ла Флер) и персонажи, в которых благодаря подказке, хотя и не полностью раскрытому имени аудитория узнавала Александра Жозефа де Ла Поплиньер/мсье П***, великого Дидро/мсье Д****, автора «Энциклопедии» Морелле/аббат М***, герцога де Бирон/маркиз де Б****, графа де Бисси/граф де Б****, непревзойденного Дэвида Юма/мистер Ю., к нему Стерн испытывал особую симпатию [16].

Свифту, скриблерианцам, образовал вместе с друзьями сообщество, названное «Одержимые» (“Demoniacs”), куда входил круг близких по духу товарищей¹⁴. Они и стали прообразами персонажей-шендианцев из романа «Жизнь и мнения Тристрама...»¹⁵. И если йоркширские чудаки-философы собирались для плодотворного общения в Шенди-холле, то для “demoniacs” местом встречи стал родовой замок Холла-Стивенсона «Скелтон», позже театрализованно переименованный в «Обитель безумцев» (“Crazy Castle”). Присутствует в романах Стерна как литературный герой, друг Тристрама и Йорика – Евгений. В трудные моменты жизни Тристрам и Йорик ищут в Евгении поддержку, он всегда оказывается рядом в испытаниях¹⁶. Известен как писатель-любитель и поэт, опубликовал ряд произведений, которые заметили читатели, среди них «Басни, адресованные пресыщенным джентльменам» (“Fables for Grown Gentlemen”, 1761), «Неистовые истории» (“Crazy Tales”, 1762, 1764, 1780).

Для современных исследователей вопрос об авторстве «Записок Йорика» открыт, он обострился в XX ст., и мнения об истинном создателе «Сентиментального путешествия, принадлежащего перу Евгения» разделились. Еще в начале XX в. влиятельный Уилбур Кросс критически оценивал интонацию и содержание книг, долгое время по традиции издававшихся в единстве с «Сентиментальным путешествием» самого Стерна. Кросс негодовал по поводу демонстративной скандальной эротизации текста-«двойника», называл его «дерзкой подделкой» (“impudent fraud”), тем не менее, хорошо раскупавшейся в Англии и на континенте. Однако принимал Холла-Стивенсона в качестве друга Стерна и автора мемуаров Йорика [3, p. 480]. Поколение филологов, идущих вслед Кроссу, иначе интерпретировали проблему [5; 7; 11; 10]. Уоррен Окли замечает, что если в первые десятилетия после появления продолжения, столь заинтриговавшего поклонников таланта Стерна, очевидность авторства Холла-Стивенсона, скрывающегося под псевдонимом Евгения, ни для кого не являлась секретом, то в наши дни его участие кажется весьма сомнительным и многими оспаривается [11].

Историки литературы не пришли к согласию о загадке авторства продолжения «Сентиментального путешествия», но они также не могли самонадеянно отбросить факты прошлого. Холл-Стивенсон никогда не опровергал свое авторство,

¹⁴ В содружество “Demoniacs”, особо почитавшее Рабле и его наследие, входили аристократы, теологи, священники, любители искусства, такие как С. Крофт, Т. Бриджс, Дж. Блейк, М. Фотергилл, Р. Ласселес, Э. Ирвин, Дж. Лоусон Холл, Ч. Ли. Напоминая клуб эксцентричных интеллектуалов, “Demoniacs” подражали скандально известному объединению «Медменхемское аббатство», расположенному на юге Англии [3, p. 119–120].

¹⁵ Участники братства «одержимых» оказались слушателями первых литературных опытов Стерна, соавторами зарождающегося замысла «Тристрама Шенди», «романа с ключом», запечатлевшего хронику их встреч в поместье Холла-Стивенсона. Существует легенда о том, как в процессе работы над ранними книгами «Тристрама» на одном из дружеских вечеров в Стиллингтон Холле Стерн решил занять аудиторию чтением первых глав сочиняемого произведения, однако, увидев, что часть присутствующих заснула от скуки, в приступе гнева бросил рукопись романа в горящий камин, и если бы не сноровка его приятеля, Стивена Крофта, «Тристрам Шенди», по меткому замечанию У. Кросса, скорее всего, повторил бы судьбу «Политического романа», обретя забвение вместо славы [3, p. 178–179].

¹⁶ В «Тристраме Шенди» серьезный и осмотрительный Евгений наставляет Йорика, предостерегает от неблагоразумных поступков и, «убитый горем», провожает друга в последний путь. В реальности получилось иначе, Холл-Стивенсон находился за пределами Англии, не присутствовал при последних минутах жизни Стерна. Тогда рядом с ним оказались книгопродавец Беккет и камердинер приятеля Стерна Джон Макдональд. Позже Холл позаботился о финансовой помощи семье писателя [3; 15].

его современники и те, кто жили в эпоху Стерна, не сомневались в нем. Поэтому к резонансному тексту «Сентиментального путешествия Йорика, принадлежащего перу Евгения» критики постоянно возвращаются и допускают возможность сопоставления отражающихся друг в друге, пусть нетождественных, памятников столетия [4; 10; 11].

До наступления XX в. «Сентиментальное путешествие» Стерна и его продолжение публиковались в одном томе, издатели предлагали книгу-цикл, где части обретали порядковый номер от первого до четвертого. Автор, некоторое время не открывавший имени, предварил записки Йорика предисловием и биографическим очерком, посвященным Стерну. В прологе он поясняет читателям свое решение дописать историю пребывания Йорика во Франции долгом перед ушедшим другом, напоминает, что доверительные отношения между Йориком и Евгением позволили из первых уст услышать все то, что не успел досказать Стерн.

Евгению импонирует живость характера Стерна, несомненно, «украшавшего церковную кафедру» до тех пор, пока таившийся в йоркширском пасторе «раблезианский дух ... не вовлек его в веселое и фривольное времяпровождение» (“...till his Rabelaisian spirit, which issued from the press, immersed him into the gaieties and frivolities of the world”) [19, p. ix]. Более всего Евгений восхищается остроумием Стерна, которое обрело особую силу, когда были опубликованы начальные книги «Тристрама», словно «разбудившие торговцев от летаргического сна» и утвердившие репутацию Стерна как истинного «гения эпохи» (“Genius of the Age”) [19, p. vii–xv]. Несмотря на то, что многие читали «Тристрама», не всем под силу было его оценить, сетует автор [19, p. x]. Однако следующий роман Стерна, «Сентиментальное путешествие», уверен Евгений, не уступает «Тристраму», является продолжением текста великого юмориста, где на литературной сцене вновь появляется Йорик, весьма напоминающий самого Стерна.

Расширенная версия мемуаров Йорика, предложенная читателю, объемна, содержит более девяноста глав, в ней ощутимы сюжетные схождения с текстом-предшественником. Начальная фраза, открывающая продолжение путевых заметок Йорика (“– Caught hold of the fille de chambre’s –”) [19, p. 1], отсылает к провокационной концовке «Путешествия», обрывающегося на постоялом дворе в Савойе. В мартовские дни, по прошествии ряда лет, как предполагает У. Кросс, Йорик возвращается из Турина в Лондон, проезжает юг Франции, посещает Мулен, где узнает о гибели Марии, затем останавливается в Париже. Йорик навещает старым знакомым (перчаточнице, горничной мадам де Р***, аббату М***, мадам Л***, графу де Б***), попадает в оперу, расширит круг общения, случайно оказывается причастен к романтическим эпизодам (дуэль молодых аристократов из-за возлюбленной, спасение юной красавицы во время пожара, нелепое обретение шкатулки, украшенной портретом прекрасной незнакомки). Поначалу автор, назвавшийся Евгением, пытается сохранить состав действующих лиц «Сентиментального путешествия» Стерна. Однако сцены общения Йорика, придуманного Холлом-Стивенсоном, с уже известными персонажами более обстоятельны, многие прежде незавершенные Стерном истории обретут продолжение и станут походить на забавный анекдот. Йорик, герой текста-продолжения, вернется к истории мадемуазель Лаборд, хорошенькой горничной, пострадавшей из-за опрометчивого флирта с небезызвестным «сентиментальным путешественником». Утратив доверие хозяйки, девушка оказывается в сложном положении, так как на нее падает подозрение в совершении преступления. Йорик не остается равнодушным к ее несчастьям, возвращает мадемуазель Лаборд расположение хозяйки, помогает обрести счастье в браке.

Если литературный мир «Сентиментального путешествия» при несомненной сосредоточенности на сознании героя все же обладает узнаваемыми пространственно-темпоральными маркерами: по весне Йорик совершает поездку

во Францію, незважаючи на те, що в Європі вже декілька років продовжується Семилітня війна, – то Йорик, познакомившись з англійським читачем завдяки Євгенію, існує в більш вузьких межах перехідних бажань, емоцій, радостей. Його знахідка в Франції пов'язана з межами Парижа. Місто знайоме Йорику, він легко орієнтується в лабіринті вулиць і не відчуває себе в ньому несвободним. Не всі персонажі «Путешествія» Лоренса Стерна потрапляють на сторінки заміток, належачих Євгенію. Опущено імена коханої Йорика Елізи, доброземця слуги Ла Флера, забутий монах Лоренцо, не названі ні мсьє Дессен, ні письменник Смоллет (Смельфунгус). В той же час Євгеній стає наперсником і єдиним адресатом героя¹⁷.

Світла, радісна атмосфера перебування Йорика в Франції збережена в версії Євгенія. Йорик Євгенія так же, як і Йорик Стерна, отримує задоволення від спілкування з життєрадісними парижанами, він легкий на підйом, цікавий в бесіді, любозлив, схильний до авантюрних дій і пригод. Подорожі Йорика часто набувають скандальний відтінок, описи сцен кохального флірту, мистецтва догляду за дамами наповнені недомовками, двоїстими натяками, хоча втрачають психологічну виртуозність, глибину, властиву сентиментально-юмористичним мініатюрам Стерна.

Літературні критики другої половини ХХ ст. обережні в оцінках авторства записок Йорика про Францію, належачих перу Євгенія. Вони вважають, що використавши маску Євгенія письменник не тільки наслідував сентиментально-юмористичній манері Стерна, владності стилю письменника, скільки прагнув представити доповнену ним історію Йорика як частину культурного контексту епохи і біографії великого митця.

Бібліографічні посилання

1. Battestin M. Sterne : The Poetics of Sensibility / Martin Battestin // Laurence Sterne's "Tristram Shandy" / [ed. by H. Bloom]. – N.Y.; New Haven; Philadelphia : Chelsea House publishers, 1987. – P. 59–86.
2. Bosch R. Introduction // Bosch R. Labyrinth of Digressions: *Tristram Shandy* as Perceived and Influenced by Sterne's Early Imitators; [transl. by P. Verhoeft] / R. Bosch. – Amsterdam, N. Y.: Rodopi, 2007. – P. 9–19.
3. Cross W. The Life and Times of Laurence Sterne / Wilbur Cross. – N.Y. : The Mason-Henry Press, 1909. – 556 p.
4. Gerard W. "Betwixt One Passion and Another": Continuations of Lawrence Sterne's *A Sentimental Journey* / W. Gerard // On Second Thought. Updating the 18th Century Text / [ed. by D. Taylor Bourdeau, E. Kraft]. – Newark: University of Delaware Press, 2007. – P. 123–138.
5. Hall-Stevenson, John // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Eighteenth-Century Writers and Writing, 1660–1789 / [ed. by P. Baines, J. Ferraro, P. Rogers]. – Malden: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 162–163.
6. Hartley L. Sterne's Eugenius as Indiscreet Author: The Literary Career of John Hall-Stevenson / L. Hartley // PMLA. – 1971. – Vol. 86, № 3. – P. 428–445.
7. Jack I. Introduction to "A Sentimental Journey" / Ian Jack // Sterne L. A Sentimental Journey : [A Novel]. The Journal to Eliza. A Political Romance / Laurence Sterne. – Oxford, N. Y. : Oxford University Press, 1984. – P. ix–xx.

¹⁷ Текст-доповнення «Сентиментального путешествія» Лоренса Стерна містить забавну інтерпретацію знаменитої репліки Йорика, якою відкривається роман: "They order ... this matter better in France". Фраза Йорика про те, що « – Во Франції ... це устроєно краще...», пояснюється різницею манер вироблення тостів во время застілля у французів і англійців. Любопитно, що відомий дослідник Айен Джек, неслухливо відзиваючись про книгу Євгенія, все ж таке трактування слів Йорика вважає переконливим [7, p. 231].

8. *Large D.* “Sterne-Bilder”: Sterne in the German-Speaking World / D. Large // *The Reception of Laurence Sterne in Europe* / [ed. by P. de Voogd, J. Neubauer]. – L.; N.Y.: Thoemmes Continuum, 2004. – P. 68–84.
9. *Newbould M.-C.* Adaptations of Lawrence Sterne’s Fiction : *Sterneana, 1760– 1840* / M.-C. Newbould. – Farnham: Ashgate, 2013. – 279 p.
10. *Newbould M.* Sex, Death and the Aposiopesis: Two Early Attempts to Fill the Gaps of Lawrence Sterne’s *A Sentimental Journey* / Mary Newbould // *Postgraduate English Journal*. – March 2008. – Issue 17. – Access mode: <http://community.dur.ac.uk/postgraduate.english/ojs/index.php/pgenglish/article/view/73/72>
11. *Oakley W. L.* A Culture of Mimicry: Lawrence Sterne, His Readers, and the Art of Bodysnatching / Warren L. Oakley. – L.: Maney Publishing, 2010. – 200 p.
12. *Paulson R.* The Subversion of Satire / Ronald Paulson // *Laurence Sterne’s “Tristram Shandy”* / [ed. by H. Bloom]. – N.Y.; New Haven; Philadelphia : Chelsea House Publishers, 1987. – P. 31–42.
13. *Probyn Cl.* A Form for Self-Realization : *Laurence Sterne* / Clive Probyn // *English Fiction of the Eighteenth Century. 1700-1789* / Clive Probyn. – L. ; N.Y. : Longman, 1987. – P. 133–148.
14. *The Reception of Laurence Sterne in Europe* / [ed. by P. de Voogd, J. Neubauer]. – L.; N.Y. : Athlone, 2004. – 332 p.
15. *Ross I. C.* *Laurence Sterne : A Life* / Ian Campbell Ross. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 498 p.
16. *Sterne L.* *A Sentimental Journey through France and Italy : [A Novel]* / Laurence Sterne // *Sterne L. Selected Prose and Letters : in 2 Volumes.* – M. : Progress Publishers, 1981. – Vol. 1. – P. 323–490. – (Original).
17. *Stevenson J. A.* *Sterne : Comedian and Experimental Novelist* / J. A. Stevenson // *The Columbia History of the British Novel* / [ed. by J. Richetti]. – N.Y. : Columbia University Press, 1994. – P. 154–179.
18. *Suarez M. F.* *Business of Fiction: Novel Publishing, 1695–1774* / M. F. Suarez // *The Oxford Handbook of the Eighteenth-Century Novel* / [ed. by J. Downie]. – Oxford: Oxford UP, 2016. – P. 22–38.
19. *Yorick’s Sentimental Journey Continued to Which is Prefixed Some Account of the Life and Writings of Mr Sterne by Eugenius: Vol. 1, 2.* – L.: Printed for the Georgian Society, 1902. – Access mode: <https://archive.org/details/yorickssentiment00halluoft/page/n7>

Поступила в редколлегию 20.09.2018 г.

УДК 821.111-311.3.09

И. В. Русских

Национальная металлургическая академия Украины

ЛОНДОН СМОЛЛЕТА. УРБАНИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНАХ ПИСАТЕЛЯ

У статті розглядається варіативність поетології урбаністики у романах Т. Дж. Смоллета, які тяжіють до канону життєпису. Протагоністи письменника, Родрік Рендом, Перегрін Пікль, Фердінанд Фатом, опиняються у Лондоні й по-різному освоюють його. Для кожного з героїв Лондон виявляється сценою життя, на якій він зіграє численні ролі, «примірить» різнолікі маски, долі, випробує несхожі професії. Незважаючи на те, що образ англійської столиці як величезного лабіриту присутній в усіх творах Смоллета, де мандрівники, які полишили родове гніздо, отримують досвід існування у міському середовищі, на власні очі побачать парадний, неприкрашений, денний і нічний Лондон, характер відтворення міста різниться